

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX ВЕКОВ

УДК 82.091

DOI 10.23951/1609–624X-2017-2-77-81

КОНЦЕПЦИЯ ИСКУССТВА В ТВОРЧЕСТВЕ У. СТИВЕНСА

Ю. Ю. Миклухо

Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк

Рассматриваются некоторые вопросы эстетики одного из ведущих американских поэтов-модернистов XX в. Уоллеса Стивенса, творчество которого остается практически не изученным российским литературоведением. Выявлены опорные точки в эстетической программе автора, среди которых особое значение придается пониманию искусства и определению места поэта и поэзии в современном мире. Делаются выводы о сложности эстетической концепции американского автора, а также о ее ценности и актуальности для современного искусства и науки.

Ключевые слова: *эстетика, концепция искусства, символ, рецепция, авторская позиция, художественный перевод.*

Вопрос о рецепции творчества Уоллеса Стивенса в российском литературоведении остается на сегодняшний день открытым. Культурное и научное освоение наследия одного из ведущих американских поэтов XX столетия в России находится в зачаточном состоянии и представлено единичными статьями, а также отдельными художественными переводами. А между тем не только стихотворения, но и эстетические взгляды поэта – это уникальное явление. И хотя в России Стивенс известен прежде всего как поэт, в США большой популярностью и авторитетностью в литературных кругах пользуются его работы по эстетике (опубликованные в 1951 г. в сборнике «Необходимый ангел»), в основе которых лежит историко-культурный подход. Ценность взглядов Стивенса заключается в их ориентации на современность. Сосредоточиваясь на вопросах искусствоведческого характера, автор не остается безучастным к ключевым проблемам мирового сообщества и выявляет прямую зависимость между проблемами эстетического спектра и их историко-культурными предпосылками. Это делает его сочинения особенно актуальными, создает целостную картину современного культурного пространства.

Одним из русских «любителей» поэтического творчества американского поэта является русский поэт, переводчик, исследователь Г. Кружков. В сферу его интересов входит не только перевод стихотворений, но и изучение эстетических воззрений Стивенса, анализ которых представлен в отдельных эссе Кружкова. Работы исследователя

отличаются глубиной и многоаспектностью рассмотрения материала. Творчество Стивенса дается в контексте мирового культурного наследия, и в то же время делается акцент на уникальности авторской концепции.

Так, в статье «Как истина прячется от поэта, а поэт – от истины», анализируя поэтику Стивенса, Кружков определяет его как поэта «герметического и самодовлеющего» [1]. По степени эстетической ценности он ставит стивенсовские статьи в один ряд с «Защитой поэзии» Шелли. И эта аналогия не случайна, поскольку, несмотря на общий модернистский характер поэзии Стивенса, в ней слышны отголоски романтических традиций («Рожки романтика торчат из-под колпака модерниста» [1]). В поэтическом призвании Стивенс видит нечто сродни мученичеству святых. Даже Бог возводится поэтом в категорию эстетическую, что роднит Стивенса, по мнению Кружкова, с романтизмом Кольриджа.

Действительно, связь Стивенса с эстетикой Кольриджа очевидна. Американский поэт непосредственно опирается на нее в своих сочинениях. В частности, в эссе «Благородный возникший и звучание слов» он размышляет над одной из ключевых для мировой эстетической мысли (и центральной в философии английского поэта-лейкиста) проблем – соотношения воображения и реальности. Если Кольридж ставит во главу угла воображение как первооснову, самую суть поэзии, то Стивенс задается вопросом, насколько «благородное» воображение уместно в современном, слишком ре-

алистичном искусстве. При этом Стивенс оперирует кольриджевскими категориями воображения и фантазии, с их помощью измеряет эстетическую ценность разных произведений искусства прошлых эпох и современности.

Диапазон имен, привлекаемых Стивенсом к анализу, весьма широк и указывает на приверженность поэта не только к романтизму в его узком понимании (традиции Кольриджа, Китса и т. д., неоплатонизм), но и к французским «проклятым» поэтам, творчеству Уайльда и др. И хотя эстетика Стивенса тяготеет к традициям романтизма с его тезисом «искусства для искусства», отказом от его утилитарной функции, в то же время в воззрениях поэта ощутимо влияние символизма с его суггестивностью, вагнеровской музыкальности, концепции жизнетворчества Ницше. Вслед за Фрейдом Стивенс предлагает отказаться от всяческого рода иллюзий прошлого и ориентироваться на современную реальность с ее противоречиями.

Творчество в представлении поэта самоценно, есть самостоятельная реальность, особое пространство, не сопряженное с категорией времени. Лейтмотивом эссе «Благородный возник и звучание слов» является мысль о борьбе с насилием современной реальности, противостоянии посредством искусства.

Таким образом, Стивенс выступает не только продолжателем традиций Кольриджа, но и развивает их, «осовременивает». Так, американский поэт отмечает, что кольриджевское воображение представляет собой одну эпоху, платоновское – другую и сегодня, в век бесконечно усложнившейся реальности, они перестали быть жизненными. Не случайно название эссе. Благородный возник – это образ из платоновского трактата «Федр», иллюстрирующий мифологизированный образ бессмертной души. Эта аллегория Платона, по мнению Стивенса, больше не актуальна, поскольку мы больше не можем верить его «прекрасной бессмыслице». Воображение должно следовать за реальностью.

Благородство у Платона есть свойство разума, у Стивенса – это прерогатива воображения (что, в свою очередь, сближает его с кольриджевским пониманием сущности воображения как синтезирующей, созидательной, идеализирующей бытие силы/способности). Кружков отмечает, что под «благородством» поэзии автор имеет в виду не пышную риторичность, а «„внутреннюю ярость“, противодействующую внешней ярости, т. е. натиску грубой реальности» [1].

В поэзии Стивенса это выражается в «нарочно охлажденном, язвительном пафосе и музыке гордого отчаяния» [1]. Подобно символу, это благородство воображения несводимо к конкретным

определениям. «Раскрывать его нецеломудренно, а его явственные проявления страшны. Но оно есть... На самом деле оно вот какое – сложное, и каждый ежедневно и по-разному это ощущает... Как и внешний предмет, благородство выражается в огромном количестве колебаний, движений, изменений. Зафиксировать его значит уничтожить его» [1].

Стивенс вступает в сложные взаимоотношения с романтизмом: с одной стороны, что следует из вышесказанного, он отвергает как устаревшее «бегство» романтиков из мира реальности в мир фантазии и мечты, а с другой – демонстрирует специфическое (широкое) понимание термина «романтизм», указывает на его историческую перспективу. Трансформацию романтизма Стивенс наглядно демонстрирует на примере эволюции художественного языка: в XVII в. язык был коннотативным (т. е. в нем преобладала категория воображения), XVIII в., век «Лирических баллад» Вордсворта и Кольриджа, – это эпоха поэтического языка. «В девятнадцатом веке язык вновь стал коннотативным... Тенденция к коннотативности наблюдается и сейчас... Интерес к подсознанию, к сюрреализму свидетельствует о движении к воображаемому» [2].

Теме воображения посвящено и второе программное эссе Стивенса «Образ юноши как возмужалого поэта». В центре вновь размышления о соотношении творческого воображения и реальности. Стивенс выводит, казалось бы, парадоксальную закономерность между духовной зрелостью поэта и непосредственностью и свежестью его восприятия мира.

Размышляя о границах поэзии и философии, он приходит к выводу, что, несмотря на разные пути, эти две области, опираясь на разум, объединяются в своем движении к единой истине. Поэт является последователем символистской эстетики, ставя гносеологические возможности художественного слова выше научного познания. Выступая на позиции агностицизма, Стивенс констатирует, что если исходить из понимания непознаваемости бытия, то философское логическое знание со всеми его неразрешимыми вопросами глобального характера оказывается несостоятельным в сравнении с эмпирическим поэтическим знанием. Поэт узнает истину чувством. Таким образом, поэзия стоит выше философии. Такая позиция кардинально противоположна платоновскому пониманию искусства, согласно которому искусство трактуется максимально широко. По сути, это любая деятельность, равно как и ремесло, и наука, и, собственно, творчество, которое неразрывно связано с философией. Диалектика у Платона – не просто теория познания, логика, теория бытия, а тоже искусство, поскольку

базируется на созерцании идей. В «иерархии душ» платоновского космоса философ занимает первую позицию, а поэт стоит лишь на шестом месте, опережая ремесленника. «Поэзию Платон переживает как легкий ветерок красоты, который нежит его чистую художественную настроенность» [3].

Если в платоновской философии поэзия занимает весьма скромное место, решая скорее развлекательную задачу, то у Стивенса поэзия наделяется функцией нищепанского жизнотворчества: «Я сам – часть реальности, и только мою собственную речь и ее силу я слышу сейчас и буду слышать всегда» [2]. Экзальтация поэта – «это миг победы над неправдоподобным, миг чистоты, которая не замутняется – оттого, что после исчезновения неправдоподобного его место занимает нечто правдоподобное. ...можно сказать, что поэтическая истина – соглашение с реальностью, заключенное воображением человека, на которого это самое воображение сильно действует» [2].

Утверждая «реалистичность» поэзии, Стивенс ставит знак равенства между поэтом и творцом. Поэт не воспекает природу, а создает ее. При этом он осознает условность творимой им «гармонии», которая в модернистской поэзии оказывается равновеликой сну. В таком управляемом «люсидном» сне реальное не отличается от ирреального. И фантастика, и реальность – продукт нашего сознания, а связующим звеном между действительностью и реальностью в поэзии Стивенса становится вещь.

Эстетика Стивенса нашла непосредственное отражение в его художественном творчестве. В поэзии Стивенса отразилась общая тенденция к усложненности поэтического языка, высказанная еще Дж. Эллиотом. Г. Кружков в статье «Загадки Стивенса, или Краткий самоучитель игры на „Фисгармонии“» размышляет о трудности прочтения американского автора. По мнению исследователя, это один из крупнейших, едва ли не самый крупный американский поэт XX в. «Поэзия Стивенса остается загадкой, допускает множественные интерпретации» [4], при этом сам поэт не дает подробных и однозначных рекомендаций. Однажды Стивенс сказал одному знакомому загадочно: «Я не думаю, что вы поймете это – если только не напишете это сами». В подтверждение данного тезиса Кружков приводит слова Элен Вендлер: «Может быть, нет лучшего способа понять Стивенса, чем представить себе, что вы сами пишете это стихотворение, – написать его как свое собственное произведение» [4].

Поэзия Стивенса, по выражению Кружкова, оказывается этакой шкатулкой с тройным дном, где «...сверху может быть торжественное ораторство, инвектива, дифирамб или элегия, под ними – ирония, шутовской колпак, а еще глубже, под иронией, – вновь серьезное». Это делает ее сложной

для восприятия. С другой стороны, «темнота» стивенсовской поэзии – это некий вызов современной культуре, пытающейся «...свести значение поэзии к чему-то мелкому и чисто декоративному» [4]. Все это делает поэзию предметом элитарного искусства (искусства для посвященных). В каждом стихотворении Стивенса, утверждает Кружков, содержится «шифр», который делит читательскую публику на посвященных и непосвященных, тех, для кого поэзия Стивенса оказывается китайской грамотой. Суггестивность как характернейшая черта его поэзии является, по мнению исследователя, сознательной установкой.

Символом такой поэзии для Стивенса становится музыка как наиболее абстрактный род искусства, далекий для понимания «профанами». Поэтому всякое искусство должно стремиться к состоянию музыки. В данном случае актуализируется сформулированный Верленом и подхваченный французскими символистами тезис: «Музыки – прежде всего другого!» [5] («De la Musique avant toute chose» [6]).

Отсюда и музыкальное название первого сборника поэта – «Фисгармония». С одной стороны, отмечает Кружков, – «нечто старомодное и вызывающее невольную улыбку; нечто двойственное, как кентавр, одновременно дышащее и грезящее. Если прочесть английское слово «harmonium» (фисгармония) как латинское, получится просто «гармония» [2].

К слову, сам поэт отмечал, что главное – самому поэту понимать, что он хотел сказать, читателю же это вовсе не обязательно. Кружков считает, что важнее всего «взять „верный угол сердца“ к поэту». Интерес исследователя к творчеству Стивенса определяется ее аналитическим характером и «глубиной»: «Не таков ли и Уоллес Стивенс – чуден, темен и глубок?» [4]. В статье «Темный Уоллес» [7] Кружков характеризует поэзию Стивенса как «супрематическую», «сюрреалистическую» («кубическую»), «имажистскую» и вместе с тем абсолютно уникальную. Все эти определения лежат на поверхности.

В связи со сложностью поэтики стивенсовских произведений закономерно возникает вопрос о трудностях перевода его стихотворений. Кружков отмечает, что перевод, в принципе, не может быть «прозрачным стеклом», а всегда представляет собой определенную интерпретацию. В случае с поэзией Стивенса иной подход нельзя себе вообразить: «Когда поэт сам по себе так непрозрачен, любая попытка сделаться прозрачным окажется негодной: читатель все равно будет думать (и справедливо!), что стекло мутное» [7]. Кружков делает вывод: «Лучший способ понять стихотворение – перевести его!» [4].

А. Генис, вслед за Кружковым, указывает на неповторимость и особую эстетическую ценность стивенсовской поэзии. При переводе поэзии половина ее прелести неизбежности теряется, поэтому обращение к переводной литературе должно быть обусловлено уникальностью оригинала: «...стихи в переводе следует читать в исключительных случаях. Уоллес Стивенс – как раз такой случай. Его голос необходим нашей литературе» [8]. Сложность перевода поэзии Стивенса связана не со спецификой обращения к национальным реалиям родного языка (как у Пушкина), а обусловлена сложностью художественного метода: «Стивенс предельно ясен и бесконечно темен» [8].

В таких условиях от переводчика требуется смелость интерпретатора и в то же время «тихое смирение послушника». Этот опыт, по мнению Гениса, удался Кружкову, в переводах которого соединяются точность и смелость. И это не исключает возможность иных трактовок, поскольку поэзия Стивенса «ускользает от исчерпывающего прочтения».

Важнейшая черта, определяющая поэзию Стивенса, – это интерес к настоящему. В его стихах

почти не бывает прошлого, это поэзия момента, отмечает исследователь. «В сущности, все стихи Стивенса – „театр для себя“», – пишет Генис. Сначала поэт организует площадку, а потом на нее выходит действующее лицо. В этом театре нет четко выстроенного сюжета, важнее оказывается другое. Стивенс ставил задачу, прежде всего, воздействовать на восприятие читателя, взорвать его ментальность. При этом ответа на поставленный вопрос поэт не дает: «Вместо „морали“, вместо финального афоризма, раскрывающего смысл предыдущего, нам достается лишь ироническое молчание автора, который ждет ответа на поставленный его постановкой вопрос» [8].

В стихотворениях Стивенса нет финала, точнее, он остается открытым, так как важен не результат, а процесс. Но результат есть – он заключается в минимальном изменении нашей картины мира под влиянием прочтения, «которое оборачивается созданием новой, не существовавшей прежде реальности». Прочитав стихотворение Стивенса, мы не узнаем о мире больше, чем знали о нем раньше, но, погружившись в мир его стихотворения, читатель выходит из него иным, делает вывод Генис.

Список литературы

1. Кружков Г. Как истина прячется от поэта, а поэт – от истины. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/4729> (дата обращения: 27.07.2016).
2. Стивенс У. Благородство возничего. Образ юноши / пер. на рус. яз. с коммент. Л. Оборина. Предисл. Г. Кружкова. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/4734> (дата обращения: 25.07.2016).
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. Ч. 1. Учение Платона об искусстве. Теория искусства. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/losev/aflosev_istoriya_antichno/chast_pervaya_uchenie_pla/ (дата обращения: 30.07.2016).
4. Стивенс У. Стихи. Перевод с английского и вступительная статья Григория Кружкова. Загадки Стивенса, или Краткий самоучитель игры на «Фисгармонии». URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/st6.html> (дата обращения: 25.07.2016).
5. Верлен П. Поэтическое искусство / пер. Г. А. Шенгели. URL: <http://omiliya.org/article/iskusstvo-poezii-pol-verlen.html> (дата обращения: 16.09.2016).
6. Verlaine P. Art poétique. URL: https://www.uni-due.de/lyriktheorie/texte/1882_verlaine (дата обращения: 16.09.2016).
7. Кружков Г. Темный Уоллес / Ностальгия обелисков: литературные мечтания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 467–476.
8. Генис А. Играя в Бога. Вступ. статья // Стивенс У. Стихи / пер. с англ. Г. Кружкова // Иностр. лит. 1998. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/10/stivens.html> (дата обращения: 27.07.2016).

Миклухо Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный индустриальный университет (ул. Кирова, 42, Новокузнецк, Россия, 654007). E-mail: Juliaavlvasova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 27.08.2016

DOI 10.23951/1609–624X-2017-2-77-81

THE CONCEPT OF ART IN W. STEWENS'S CREATIVE WORK

Yu. Yu. Miklukho

Siberian State Industrial University, Novokuznetsk, Russian Federation

The article considers some questions of esthetics of Wallace Stevens, one of the leading American poets-modernists of the XX century, whose work remains almost not studied by the Russian literary criticism. Russian-speaking reception of his work appears in some works of G. Kruzhkov. A. Genis today talks about the specifics of his poetry, the difficulties of translation, etc. Among other things, G. Kruzhkov is the author of a number of Russian translations of poems by Stevens.

The identified reference points are there in the aesthetic program of the author, among which the particular importance is attached to understanding art and the determination of the place of the poet and poetry in the modern world. The origins of his creative method are based on the works of Russian researchers of the Steven's poetry. This method synthesizes the searches of European poetry of the XIX–XX centuries. Conclusions are made about the complexity of the aesthetic concept of the American author, as well as about its value and relevance for contemporary art and science. The aim of this article is to clarify the question about the status of the Russian-speaking reception of the creative heritage of William Stevens, who played a very prominent role in the literary life of the United States in the first half of the twentieth century and to contribute a better understanding of the literary and cultural process which takes place in the United States of America, as well as deeper penetration into the specifics of Stevens' work.

Key words: *esthetics, concept of art, symbol, reception, the author's position, literary translation*

References

1. Kruzhkov G. *Kak istina pryachetsya ot poeta, a poet ot istiny* [How the truth hides from the poet, and the poet – from the truth] (in Russian). URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/4729> (accessed 27.07.2016).
2. Stevens W. *Blagorodstvo voznichego. Obraz yunoshi*: per. na rus. yaz. s komment. L. Oborina. Predisl. G. Kruzhkova [Nobility of the charioteer. Image of the young man. Translation into Russian with comments by L. Oborin. Preface by G. Kruzhkov]. (in Russian). URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/4734> (accessed 25.07.2016).
3. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Vysokaya klassika. Ch. 1. Ucheniye Platona ob iskusstve. Teoriya iskusstva* [History of antique esthetics. High classics. P. 1. Plato's doctrine of art. Theory of art] (in Russian). URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/losev/aflosev_istoriya_antichno_chast_pervaya_uchenie_pla/ (accessed 30.07.2016).
4. Stevens W. *Stikhi. Perevod s angkiyskogo i vstupitel'naya statya G. Kruzhkova. Zagadki Stivensa, ili Kratkiy samouchitel' igry na "Fisgarmonii"* [Poems. Translation from English and introductory article of G. Kruzhkov. Stevens's riddles, or the short self-instruction manual of a game on "Harmonium"] (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/st6.html> (accessed 25.07.2016)
5. Verlen P. *Poeticheskoye iskusstvo*. Per. s angl. G. A. Shengeli [Poetic art. Translation from English by G. A. Shengeli] (in Russian). URL: <http://omiliya.org/article/iskusstvo-poezii-pol-verlen.html> (accessed 16.09.2016).
6. Verlaine P. *Art poétique*. URL: https://www.uni-due.de/lyriktheorie/texte/1882_verlaine (accessed 16.09.2016).
7. Kruzhkov G. *Temny Uolles* [Dark Wallace]. *Nostal'giya obeliskov: literaturnye mechtaniya* [Nostalgia of obelisks: literary dreams]. Moscow, Novoye obozreniye Publ., 2001. Pp. 467–476 (in Russian).
8. Genis A. *Igraya v Boga. Vstup. statya* [Playing God. Introductory article]. Stevens W. *Stikhi*. Per. s angl. G. Krushkova [Stevens W. Poems. Translation from English by G. Kruzhkov]. *Inostrannaya literature – Foreign literature*, 1998, №10 (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/10/stivens.html> (accessed 28.07.2016).

Miklukho Yu. Yu., Siberian State Industrial University (ul. Kirova, 42, 654007, Novokuznetsk, Russian Federation).
E-mail: Juliavlasova@mail.ru